

¹ Сургутский государственный университет ХМАО
ул. Энергетиков, 14, Сургут, 628408, Россия
E-mail: socius@bk.ru

² Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: popkov@philosophy.nsc.ru

РОССИЙСКО-ЕВРАЗИЙСКИЙ ХАРАКТЕР МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ХАНТЫ-МАНСИЙСКОМ АВТОНОМНОМ ОКРУГЕ – ЮГРЕ

Евразийское сознание является способом самореализации, выживания и развития народов России, тем объединяющим основанием, благодаря которому представитель любой национальности идентифицируется как представитель единой нации, единого менталитета и является основанием, благодаря которому представитель любой национальности воспринимается (идентифицируется) за рубежом как представитель единого народа, единого менталитета и обозначается как «русский». Межэтнические отношения населения Сибири исторически складывались как российско-евразийские по своему духу. В духовной основе евразийства как исторического явления лежит взаимодействие культур народов, населяющих европейскую и азиатскую части России.

Ключевые слова: население Сибири, евразийское сознание, межэтнические отношения, взаимодействие культур.

Межэтнические отношения населения Сибири исторически складывались как российско-евразийские по своему духу. В духовной основе евразийства как исторического явления лежит взаимодействие культур народов, населяющих европейскую и азиатскую части России.

Евразийство не является ни региональным, ни религиозным феноменом. Оно является способом самореализации, способом жизнедеятельности народов, населяющих Россию, тем общим объединяющим основанием, благодаря которому представитель любой национальности воспринимается (идентифицируется) за рубежом как представитель единого народа, единого менталитета и обозначается как «русский».

Россия не исключительно русско-славянская цивилизация, по своему естественному местообитанию и этническому происхождению она является вместе с тем и цивилизацией евразийской. Во-первых, сам русский этнос в своем этногенезе имел не только славянские корни, но и вообрал в себя угрофинские и тюркские элементы. Во-вторых, российская цивилизация уже в своих истоках складывалась как полиэтничное государство. Русский мировоззренческий идеал

соборности стал регулятивным принципом не только в области межиндивидуальных и межгрупповых отношений внутри «своего» этноса, но и в сфере межэтнических и межцивилизационных отношений. А поскольку идеал соборности относится к сфере межэтнических и межцивилизационных отношений, он присущ не только русскому самосознанию, но и самосознанию российской цивилизации в целом, хотя обычно и не представлен в нем в отрефлексированном и дискурсивном виде. В российской цивилизации почти на всем протяжении ее истории классовые противоречия не достигали накала антагонизмов, способных разрушить высокую меру органичности межэтнических связей. Не последнюю роль здесь сыграл и фактор своего рода генетической, историко-культурной несовместимости характерной для российской цивилизации духовности с менталитетом капитализма.

Этногенез русских как государствообразующего этноса и становление России как государства – колыбели российской цивилизации – уже в своих истоках реализовались в особой геополитической обстановке, в обстановке военно-политического давления на пространства Евразии ранее сложившихся

народов и цивилизаций Запада и Востока. Это вынуждало русских и Россию к занятию оборонительной позиции. С другой стороны, в основном мирный путь расширения российской цивилизации был обусловлен тем, что соседствующие со становящимся русским этносом племена объединялись вокруг него в поисках защиты от агрессоров извне Евразии и для замирения внутренних межэтнических усобиц. Поэтому, во-первых, русский этнос в своем генезисе имел не только славянские корни, но и вобрал в себя угро-финские и тюркские элементы; а во-вторых, российская цивилизация уже в своих истоках складывалась как полиэтническое государство. Военно-завоевательный момент присутствовал, но только как вспомогательный. Нужда в нем чаще всего появлялась лишь как в средстве «подравнивания» и укрепления естественных рубежей цивилизации. Прежде всего – в геополитически ключевых для обороны Евразии ее регионах, таких, например, как некоторые районы Кавказа, Прибалтики и др. (Нынешняя беспрецедентная эскалация военных конфликтов на территории исторической России не опровергает сказанного, ибо она является выражением не российской цивилизационной идентичности, а, напротив, такого социального кризиса, который как раз угрожает основам российской цивилизации.) Россия, в отличие от Запада, никогда, даже и тогда, когда как государство официально носила этот титул, не была империей в западном смысле: не была империалистической, военно-политической цивилизацией. В пределах государства в общем и целом она стремилась к превращению каких-либо этносов и территорий в объекты эксплуатации, в средство процветания некой исконно русской «метрополии».

Югорская земля – один из наиболее древних регионов российской евразийской цивилизации, одна из ее краеугольных опор. Взаимодействие русского этноса с народами Югры, русское распространение и присутствие в Югре в дошедших до нас летописных источниках фиксируется уже с XI в. Но очевидно, что взаимодействие восточнославянских племен с племенами финно-угорской и самодийской языковых групп, предками нынешних ханты, манси, ненцев, уходит своими корнями в еще более глубокую древность. В частности, представляется достаточно убедительной выдвинутая не-

давно гипотеза о многовековом соседстве и взаимодействии восточных славян и предков ханты и манси на территориях Восточной Европы еще с начала I тыс. н. э. вплоть, по крайней мере, до VII в. н. э., с которого, предположительно, началась миграция последних на восток. За вторую половину II тыс. н. э. органичная взаимосвязь русской и аборигенных культур Югорской земли является не только непосредственным результатом этого периода, но и имеет предпосылки в упомянутом, гораздо более древнем, периоде.

Но как бы то ни было, чувства нераздельности собственной исторической судьбы с русской исторической судьбой, с судьбой российского государства – совершенно неотъемлемые моменты этнического сознания малочисленных народов Югры.

Надо сказать, что в этом отношении тип этнического сознания северных аборигенных народов России капитально отличается от типа этнического сознания многих аборигенных народов западных стран, особенно Соединенных Штатов. В сознании аборигенных народов западных стран доминирует отчужденность от ценностей западной цивилизации и государственности. А в США эта отчужденность возводится аборигенами в принцип и доводится до противопоставления себя остальному американскому обществу и государству. «Противопоставление индейских народов американскому правительству, американскому государству в целом – характерная черта идеологии коренных американцев» [Коренное население..., 1990. С. 323]. В стране, где создание государства сопровождалось этноцидом и изгнанием аборигенов с их земель в резервации, естественно то, что «антиамериканизм индейцев питается не только их насущными проблемами, но и историческими традициями, составляющими важный элемент их этнического самосознания» [Там же].

Потому-то русские и местным населением никогда не воспринимались как колонизаторы-захватчики. Герой одного из произведений хантыйского писателя Е. Д. Айпина, молодой хант, вступает по этому поводу в следующий диалог с гостьей из Америки, исследовательницей образа жизни аборигенов. Она утверждает: «Колонизаторы английские, французские, испанские, русские и прочие. Будь они в Америке, в Африке или в Сибири. Все они одинаковые, все одного

цвета». Хант в ответ недоумевает: «Колонизаторы русские?» А потом подчеркивает самое разительное и очевидное, что отличало русских от европейцев: «Они не снимали скальпы. Даже в царские времена» [Айпин, 1990. С. 305]. Более того, несмотря на то, что в истории русско-аборигенных отношений случалось всякое, движение русских в сибирские северные края осознавалось коренным населением в целом не как зло, а именно как благо. Вследствие чего с давних времен в сознании народностей Югры стало безусловно доминировать общее им с русскими чувство принадлежности к российской цивилизации и государственности.

Конечно, и этническое сознание аборигенов России хранит память об эпизодах стычек и конфликтов в русско-аборигенных отношениях, о тех или иных эпизодах и периодах, когда российское государство представляло как чуждая аборигенам сила. Но это были только эпизоды; эпизоды, к тому же никогда не переходившие в фазу жестокой истребительной политики.

Особенно драматичным испытанием на пути становления общероссийского плана этнического самосознания обско-угорских народностей были события, связанные с походом дружины Ермака в Сибирь с целью разгрома ханства Кучума, на стороне которого как данники первоначально выступали и югорские воины. События завершились окончательным выбором северных народов в пользу союза с русскими, с Россией. Встав «на сторону русских, – пишет мансийский поэт Ю. Шесталов, – связав с ними судьбу, мы обрели мир. В согласии и жить бы нам да добра наживать». Сегодня союз с русскими осмысливается в народном сознании аборигенов не столько как предпочтение той или иной конкретно-исторической формы социальной системы и российской системы власти, сколько как непреходящая значимость для северных народов союза с русскими, как сопричастность российской государственности, приверженность ценностям российской цивилизации.

Не случайно, что, прежде всего, против этих устоев российской цивилизации направлена ныне информационная агрессия со стороны сил, стремящихся установить на планете «новый мировой порядок», т. е. мировую гегемонию Запада во главе с США. Одними из недавних идеологических замы-

слов, призванных обеспечивать достижения этой цели, являются, в частности, теория цивилизаций и сценарий возможного исхода их борьбы в пользу Запада, выдвинутые американским политологом С. Хантингтоном. Выделяя цивилизации по признаку общности религии и биогенетического родства этносов, он постулирует среди нескольких других основных цивилизаций существование и так называемой «славяно-православной» цивилизации. Отсюда напрашивается вывод: Россия, населенная и неславянскими этносами, исповедующими, в том числе, и не православие, а иные религии, будто бы обречена быть «расколотой страной», иначе сказать, – «расколотым государством» [Хантингтон, 2003. С. 56, 209–210, 216–218, 392 и др.].

Но российская цивилизационная идентичность, подчеркнем еще раз, не сводится лишь к своему славяно-православному ядру, а является именно евразийской. В теории Хантингтона просто-напросто игнорируются результаты глубоких историософских и культурологических исследований и дискуссий на эту тему наших отечественных авторов, особенно мыслителей-евразийцев, у которых идея евразийской сущности России специально и разносторонне обоснована [Мир России – Евразия, 1995; Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн, 1993; Вернадский, 1996; Гумилев, 1993]; и труды которых, создававшиеся в основном в эмиграции, получили широкую известность в Европе и везде в мире. Поэтому совершенно очевидно, что создатель этой теории, как и многие другие идеологи «нового мирового порядка», руководствуется не стремлением к объективности, а чисто идеологическим замыслом: создать такой заведомо искаженный образ российской цивилизационной идентичности, имплантация которого в сознание россиян, в содержание этнических сознаний российских народов изнутри разрушала бы духовные устои России, подобно тому, как прозападный курс «радикальных реформ» разрушает ее социально-экономический потенциал.

Однако, как показали, в частности, проведенные нами социологические исследования межэтнических отношений в Ханты-Мансийском автономном округе в 1991, 1994, 1996, 1997, 2000, 2004, 2008 гг., духовные устои евразийской цивилизации все-таки настолько глубоки и прочны, что до

сих пор удерживают и, надо надеяться, будут удерживать впредь всю конструкцию нашей

цивилизации. Исторически сложившееся единство культур, если говорить конкретно о межэтнических сообществах Югры, опирается на уже совершившееся взаимопроникновение и даже в какой-то мере синтез самих их духовно-мировоззренческих оснований [Мархинин, Удалова, 1993; 1996а; 1996б; 1998; 2002].

История государства Российского – это история совместного проживания в дружбе и взаимопонимании населяющих ее народов. Большая заслуга в этом принадлежит Православной церкви. В Сибирь православие пришло «вместе с дружиной Ермака, где, несомненно, был священник... Глава церковной организации на вновь присоединенных территориях получал совершенно исключительное право – право печалования за всех иноверцев, отнюдь не только за тех, которые крестятся, а вообще за всех, по всем делам, кроме дел о государственной измене» [Покровский, 2002. С. 339].

Будучи всецело духовной, православно-русская инородческая миссия не ставила перед собой никаких политических задач и цели русификации инородцев. «Она (миссия) не смотрит на распространение христианства, как на средство к покорению язычников и приведению их под власть русского правительства. Все это – дело государства и его дипломатической миссии, но не Церкви и ее благовестничества» [Дионисий, 1901. С. 8].

Не будучи политической, инородческая духовная миссия не была также и миссией культурной, в том смысле, что не ставила своей задачей распространение среди инородцев европейской культуры и цивилизации. Иеромонах Дионисий в 1901 г. в своем труде «Идеалы православно-русского инородческого миссионерства» писал: «Христианство и европейская культура – это два совершенно противоположные царства, два совершенно различных мира. Первое – царство любви, кротости, смирения, отречения от всего земного и надежды на вечную небесную жизнь. Вторая же – область самолюбия, чувственности, крайнего эгоизма, совершенного приращения к земле; она вся направлена к тому, чтобы очаровать человека изобретенными ею земными благами и совершенно поработить его земле» [1901.

С. 13]. И далее он делает вывод, что только «одно религиозно-нравственное просвещение инородцев может смягчить их грубые нравы и жестокие обычаи, отвратить их от пьянства, лени, разврата, заставить их заботиться о чистоте душевной и телесной..., а не та “культура” и “цивилизация”, которая только усиливает среди них всякие грубые пороки и тем способствует не развитию, а вымиранию инородцев» [Там же]. Разумеется, что Дионисий давал оценку со своих позиций и не учел факты, о которых речь пойдет далее.

В результате миссионерской деятельности в крае сложилось двоеверие. При этом перевес, по мнению самих миссионеров, безусловно, сохранялся за традиционными верованиями. Однако отдельные положения, так или иначе связанные с христианством, закрепились. Об этом в середине XIX в. финский этнограф Август Алквист писал: «Религиозные воззрения вогула – шаманизм, в котором столь многие народы Северной Азии находят удовлетворение своим духовным запросам. И все-таки он крещен, получил христианское имя и внесен в церковные книги; он венчается у священника, крестит у него детей, и если умирает кто-то из семьи, гроб отпевает священник, если таковой имеется в данной местности. Когда он один – два раза в год посещает по другим делам деревню, где есть священник, то идет в церковь, зажигает восковую свечу перед изображением святых и крестится несколько раз перед ними. Во всем остальном и внутренне он все еще предан вере своих отцов... Однако же в случае, если аборигена настигает нужда и его собственные боги призываются напрасно, то он обращается к русскому богу, обычно к Святому Николаю, дает ему обет быть его слугой, если он спасет его от грозящей опасности. Подобные обеты в большинстве случаев выполняются» [1999. С. 52–53].

Итак, несмотря на то, что в прошлом в ходе распространения православия на Севере имели место элементы его насильственного насаждения в среде северных народов за счет попыток «искоренения» традиционных верований, тем не менее, православная христианизация в целом создавала и важнейшие предпосылки, выступала основанием и фактором единства русской и аборигенной культур. Наши социологические опросы показали, скажем, что наряду с со-

хранением в исторической памяти аборигенного населения элементов негативного опыта христианизации, большинство (74 % этого населения) в части, имеющей определенное мнение по данному вопросу, считает, что распространение православия в районах проживания народов Севера сыграло в целом положительную роль в их жизни. Таково мнение в общей сложности 40,8 % жителей коренных национальностей; 43,4 % затруднились дать ответ на этот вопрос. И только 14,3 % представителей малочисленных народов считают, что распространение христианства играло отрицательную роль. Распределение мнений по этому вопросу в среде коренного национального населения очень близко, кстати, к таковому в русской среде. Положительно роль христианизации в жизни народов Севера оценили 45 % русских, затруднились дать ответ 46,2 %, а дали отрицательную оценку только 10,6 % русских жителей.

Конечно, в отношениях православной и местных «языческих» культур православная культура играла ведущую, доминирующую роль. Тем не менее, в местах совместного проживания русского и аборигенного населения происходило не одностороннее культурное воздействие, а именно взаимодействие культур. Между прочим, сами исторически сложившиеся формы взаимного восприятия традиционных верований являются как раз очень выразительным примером высокой степени взаимопроникновения русской и аборигенной культур. Например, с одной стороны, заметная доля (11,8 %) аборигенного населения является православно верующей, а еще более значительная его часть (17,4 %) придерживается одновременно и традиционных верований своих народностей, и православной веры. С другой стороны, определенная доля – 6,5 % русских также наряду с приверженностью православию придерживаются и «языческих» верований.

Надо добавить, что в описываемой религиозной ситуации двоеверие не обязательно представляет собой только временную фазу перехода от одной веры к другой. Оно ведет к образованию и устойчивых синкретических, православно-«языческих» или «язычески»-православных форм религиозности. Нравится это кому-то или нет, но в действительности наличие всей этой гаммы форм религиозности и / или верований – естест-

венно-исторически сложившаяся реальность и положительное выражение глубокой взаимной совместимости этнических культур. Показательна в плане настроения на позитивное принятие местными этническими группами культур друг друга близость мнений русских к мнениям аборигенов по вопросу о возможности и желательности возрождения в наше время традиционных верований народов Севера.

Отсутствие межэтнической напряженности на религиозной почве отчасти объясняется тем, что функции, которые выполняют православие и традиционные верования северных этносов, судя, например, по данным социологического опроса 1996 г., во многом схожи. По мнению и аборигенов, и русских, та и другая религии помогают передавать традиции, обычаи своего народа и тем самым способствуют сохранению своего этноса. Положительную роль православия представители северных этносов видят в том, что православие учит любви, добру и милосердию, заставляет бояться греха, не совершать дурные поступки (так считают 46 % аборигенов); православие помогает передавать традиции, обычаи русского народа – 35 %; оно служит единству русского народа и всех народов России – 23 %; православие открывает путь к спасению души, к ее бессмертию – 19 %; оно способствует укреплению семьи – 18 %. И только 4 % аборигенов ответили, что православие не помогает решать никаких жизненно важных проблем.

По мнению большинства представителей народов Севера (59 %), православие и традиционные верования северных этносов могут ужиться без ущерба друг для друга. Доля лиц, считающих, что это невозможно, значительно меньше: у аборигенов она составляет 12, а у русских – 8 %. Это свидетельствует о религиозной терпимости и отсутствии межэтнической напряженности на религиозной почве.

Религиозная терпимость народов Севера и русских объясняется, прежде всего, тем, что православие живет на Югорской земле, по крайней мере, более четырехсот лет и большинство предков нынешних аборигенов были людьми крещеными.

Немаловажную роль в укреплении межконфессиональной терпимости на Югорской земле играет и рост метисации северных этносов. Лучшим свидетельством добрых

межэтнических отношений являются так часто встречающиеся в Сибири этнически смешанные браки. Среди аборигенов преобладает мнение, что будущее благополучие и национальное возрождение северных этносов напрямую связано с благополучием и национальным возрождением русского народа.

В общем же, исследуя исторически сложившийся характер взаимодействий и меру взаимопроникновения этнических культур в межэтнических сообществах Югры, нельзя не убедиться еще раз в том, что у нашей цивилизации надежные скрепы. В этом залог того, что она выстоит в нынешних испытаниях и найдет дорогу в будущее.

Список литературы

Айтин Е. Ханты, или Звезда Утренней Зари. М., 1990.

Алквист А. Среди хантов и манси. Томск, 1999.

Вернадский Г.В. История России. Киевская Русь. М., 1996.

Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии. М., 1993.

Дионисий (иеромонах). Идеалы православно-русского инородческого миссионерства. Казань, 1901.

Коренное население Северной Америки в современном мире. М., 1990.

Мархинин В. В., Удалова И. В. Этнос в ситуации выбора будущего. Новосибирск: Наука, 1993. 208 с.

Мархинин В. В., Удалова И. В. Межэтническое сообщество. Состояние, динамика, взаимодействие культур. Новосибирск: Наука, 1996а. 192 с.

Мархинин В. В., Удалова И. В. Межэтнические сообщества в регионах Сибири (по материалам социологической экспедиции в национально-смешанные поселения Сургутского района Ханты-Мансийского автономного округа). Новосибирск, 1996б. 166 с.

Мархинин В. В., Удалова И. В. Межэтнические браки: состояние, динамика, проблемные ситуации. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. 236 с.

Мир России – Евразия. М., 1995.

Покровский Н. Н. Христианская традиция в российской и сибирской истории // Пивоваров Б. И. Православная культура России. Новосибирск: Православная гимназия, 2002.

Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М., 1993.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М.: ООО «Изд-во АСТ», 2003.

Материал поступил в редколлегию 04.10.2010

V. V. Markhinin, I. V. Udalova

RUSSIAN-EURASIAN NATURE OF INTERETHNIC RELATIONS IN THE KHANTY-MANSI AUTONOMOUS DISTRICT (YUGRA)

The Eurasian consciousness is a way of self-realization, survival and development of the peoples of Russia, the rallying ground through which a representative of any ethnicity is identified as a representative of one nation and common mentality, and is the basis by which a representative of any nationality is perceived (identified) abroad as a representative of one nation and common mentality, and is referred to as «Russian».

Interethnic relations of the population of Siberia have historically evolved as both Russian and Eurasian in their spirit. The spiritual basis of the Eurasianism as a historical phenomenon includes interaction of cultures of the peoples of the European and Asian parts of Russia.

Keywords: population of Siberia, Eurasian consciousness, ethnic relations, cultural interaction.